

НОВЫЙ ТОМ «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ»

Документальная серия «Полярная звезда» была задумана в середине 1970-х гг. как необходимый инструмент для исследований профессиональных историков, но очень скоро превратилась в издание, нужное всем, кому небезразлична судьба Отечества во всей ее полноте – с прошлым, настоящим и будущим. На страницах ее томов читатель встречается с людьми очень разными, с их взглядами, пристрастиями, ошибками, заблуждениями, но с искренней верой в право своей страны на лучшее будущее.

Сложившаяся традиция восприятия истории общественной мысли и культурной жизни России XIX в. утвердила в сознании многих поколений русского народа взгляд на

декабриста как на некий нравственный образец. И то обстоятельство, что на протяжении многих лет это оставалось неизменным (акцентирование одних сторон и замалчивание других в разные периоды в целом на данное явление существенно не влияли), подтверждает правильность этой традиции. Декабристы, в той или иной степени, были и остаются нужными и консерваторам, и либералам, и радикалам. От них не захотели (или не смогли) отмахнуться ни при каких режимах в России, а представители различных политических течений продолжают либо апеллировать к их взглядам, делам и примеру, либо полемизировать с ними. Феномен декабристов стал неотъемлемой частью общекультурной истории

России, причем частью живой, продолжающей оказывать весьма заметное влияние на русское общество. Поверить или не верить им, признать их подвиг или отвергнуть его – это уже наше право. Но как бы мы сегодня ни относились к декабристам, одно несомненно: это были люди, сами выбравшие свой путь, люди, которые никогда не были бессловесными пешками в политической игре ни в современной им России, ни в России, современной нам. Вышедший в юбилейные для Иркутского музея декабристов дни (его 40-летие) очередной, 27-й том посвящен одному из этих людей – Артамону Захаровичу Муравьеву*.

А.З. Муравьев происходил из многочисленного старинного рода, ведущего свое начало с XVI в. и давшего своей стране немало талантливых военачальников, государственных деятелей, религиозных и светских просветителей. Это предопределило и род занятий А.З. Муравьева – военная служба, и круг духовных интересов – литература и политические учения, и обостренное чувство справедливости. Патриотическое воспитание довершила Отечественная война 1812 г. В составе оккупационного корпуса М.С. Воронцова до 1818 г. он находился во Франции, где на практике познакомился с некоторыми немислимыми в то время в России политическими институтами и общественными отношениями. Возвращение Муравьева на родину совпало с периодом интенсивной деятельности тайных обществ, поиском молодыми реформаторами путей и форм грядущих преобразований, и он, благодаря своему родству с наиболее активными участниками этой деятельности, сразу оказался в гуще событий. Ощущение своей причастности к грандиозным событиям, изменяющим мир, сформированное у многих молодых людей его поколения участием в военных кампаниях и усиленное приверженностью к романтической литературе, предопределили его вступление в тайное общество. А особенности характера (пылкость, порывистость, некоторая склонность к рисовке) и склад мышления (более импульсивный, чем философский) определили его место в декабристском движении – не столько мыслителя, сколько побудителя к активным действиям (планы цареубийства, скорейшего выступления).

Он и в Сибири предпочитал конкретные, рукотворные дела: работал за токарным станком, присланным его женой, помогал своему товарищу – декабристу доктору Ф.Б. Вольфу в изготовлении необходимых лекарств на каторге, пытался организовать предпринимательское производство по заготовке омуля и был великопеленной сиделкой для всех заболевших товарищей на поселении. Чувство вины перед родными за те лишения, которые принесло им его осуждение, разлука с женой и сыновьями, смерть двоих из них, которую он вынужден был пережить вдали от близких, в значительной мере изменили его внутренний мир. Привычно-обиходное отношение к религии, свойственное воспитанным на просветительской литературе людям первой четверти XIX в., сменилось глубокой религиозностью, стремлением постичь тот урок, который, как ему казалось, послало Провидение. И все же, несмотря на все превратности и горести, тяжелую болезнь, Артамон Захарович сохранил природное жизнелюбие и доброе отношение к окружающим и запомнился

всем, кто встречался с ним в Сибири, своим добродушием, веселым заразительным смехом, в том числе и над самим собой, готовностью прийти на помощь всем, кто нуждался в этом. Он скончался 4 ноября 1846 г. и был похоронен в Большой Разводной рядом с А.П. Юшневским. В 1952 г. при строительстве Иркутской ГЭС его прах был перенесен на Амурское (Лисихинское) кладбище Иркутска.

Нельзя сказать, что жизнь и деятельность А.З. Муравьева не привлекали внимание историков. Практически ни одно исследование, посвященное истории Южного общества декабристов, не обходилось без упоминания его имени в связи с планами подготовки вооруженного восстания и анализа причин, заставивших его отказаться поддержать восставший Черниговский полк. В трудах сибирских историков, изучавших перипетии жизни декабристов в ссылке, обязательно присутствуют эпизоды его биографии. Однако задача, за разрешение которой взялась петербургская исследовательница Татьяна Георгиевна Любарская, оказалась в чем-то даже более трудной, чем у тех, кто обратился к судьбам более известных декабристов. Ей пришлось не только реконструировать биографию А.З. Муравьева, написать его в декабристское сообщество, но и раскрыть неповторимые особенности его личности, создать, если и не прописанный полностью, то вполне достоверный психологический портрет с «лица не общим выраженьем». Основная сложность заключалась в том, что Муравьев не оставил ни публицистических, ни художественных произведений, не вел дневников и не писал мемуары. Все основные события его жизни, мысли и чувства нашли отражение лишь в его письмах.

Большинство писем, обнаруженных автором в архивах Санкт-Петербурга (Пушкинский Дом), Москвы (ГАРФ, РГБ, ОПИ ГИМ), Красноярска, носят личный характер и адресованы его жене Вере Алексеевне. Первоначально предполагалось, что она приедет в Сибирь, было получено разрешение и уже обсуждались условия предстоящего путешествия с учетом опыта тех женщин, которые приехали раньше. Однако запрет брать с собой детей, болезнь, а затем и смерть двух мальчиков, страх за судьбу единственного оставшегося в живых сына сделали приезд невозможным. Письма А.Г. Муравьевой, М.Н. Волконской, Е.И. Трубецкой и М.К. Юшневской, написанные ей от имени и по поручению мужа, раскрывают мир повседневной жизни декабристов на каторге – их занятия, заботы, бытовые условия. В известной мере они подымают появившийся в последнее время новый «миф» об удивительной «снисходительности императора» и «иллюзорности самого понятия каторга» применительно к декабристам и одновременно убедительно свидетельствуют о справедливости «мифа» старого – о декабристском братстве, не разрушаемом ни разностью характеров, ни различиями во взглядах.

Есть еще один аспект декабристологии, не слишком популярный в недавнем прошлом; к нему довольно активно, хотя и не очень успешно, стали обращаться в последнее время – это религиозность Артамона Захаровича. Практически все декабристы были верующими, однако религиозные воззрения многих из них были далеки от ортодоксальности. В известном смысле А.З. Муравьев относился к их числу. Даже потрясение от смерти сыновей, усилившее его религиозность, не изменило его убеждения в том, что вера должна быть «более просвещенной».

Введение в научный оборот нового комплекса эпистолярного наследия еще одного из декабристов не просто

* *Муравьев А.З.* Письма / Изд. подг. Т.Г. Любарской. Иркутск: Иркутский музей декабристов, 2010. 528 с.: илл. – (Серия «Полярная звезда»).

добавляет несколько новых штрихов к их жизни после осуждения на «политическую смерть», но и позволяет объяснить некоторые, неразрешимые прежде, загадки. Так, сообщая М.И. Муравьеву-Апостолу о смерти в Акатуе своего кузена Михаила Лунина, раскрывая подробности его тюремного быта и обстоятельств, при которых обнаружилась его кончина, Муравьев рассказывает и о том, что происходило после: «Так как доктора долго ждали, то тело его нагое лежало где-то в сыром чулане, так что когда брали его оттуда дабы вскрыть, голова примерзла к земле и топором отрубали волосы, чтобы их отделить». Это сообщение объясняет и возникновение легенды о том, что местный лекарь, «за неимением нужного инструмента, разрубил Лунину голову топором», и сомнения историков в том, что при столь грубо проведенном вскрытии можно правильно определить причину смерти.

Письма, публикуемые Т.Г. Любарской в новом томе, отличаются еще одной особенностью. Значительная их часть написана не самим Муравьевым, а либо под его диктовку, либо с его заметок, либо исходя из общего контекста его пожеланий спустя какое-то время – женами его друзей. Именно женщины сумели разрушить так тщательно создаваемую властями изоляцию декабристов от общества, поскольку им не запрещалась переписка, и не только с родными, но и с другими лицами. Конечно, она тщательно контролировалась. В одном томе собрана переписка, на протяжении нескольких лет связывавшая только одно семейство, – всего 343 письма. Это – свидетельство прежде всего одного из декабристов о событиях, в которых ему довелось участвовать. Сегодня письма стали достоянием тех, кому интересно прошлое нашей страны.

*канд. ист. наук Т.А. Перцева,
Иркутский государственный университет*